

Персона

Элем Климов — фигура в истории нашего кино легендарная. Практически каждый его фильм становился событием, и даже многолетнее пребывание на кинематографической полке не сделало их «лежалым» товаром. Давно нет ни пионерских лагерей, ни системы, породившей эти странные учреждения, а над «Добро пожаловать, или Посторонний вход воспрещен» хохочет уже третье поколение. «Агония» вошла в список классических фильмов, на которых учатся будущие кинематографисты. Картина «Иди и смотри» стала знаковой не только для обитателей шестой части суши. После показа ее в Германии немецкое общество раскололось на две части. Но Климов известен не только своими фильмами — его деятельность в качестве первого перестроечного секретаря Союза кинематографистов до сих пор вызывает ожесточенные споры. Климова обвиняли во всех смертных грехах, чуть ли не в развале системы кинопроизводства в стране. Впрочем, сейчас из-за угрозы превращения Госкино в один из департаментов Министерства культуры объединились даже старые враги. Наверное, впервые за последние лет десять под одним письмом стояли подписи Михалкова и Климова...

Элем КЛИМОВ: Хочу снимать сверхзвуковое кино

— Почему вы перестали снимать комедии? Были бы более знаменитым, чем Даниеля или Рязанов...

— Я не собирался становиться знаменитым. Жил по принципу: что душа прикажет, то и делаю. Потом Ромм дал мне сценарий «Похождения зубного врача» и сказал: «Володин прислал его мне, но это не мое, а твоё». Но вот с этим сценарием я сильно мучался.

— Почему?
— Во-первых, у меня был комплекс человека, не умеющего работать с актерами. Во-вторых, я хотел комедию сделать, а Володин мне очень мешал, висел как гиря на шее. И все меня серезил, серезил...

— Но каждый следующий фильм становится все мрачнее и мрачнее. Также влияние Володина?

— Нет, конечно. Отношение к жизни стало меняться, к окружающей среде. С возрастом все меняется, слава Богу. Иногда смотрю свои прежние фильмы и думаю: «Боже мой, а кто это снимал?! Это уже не я». Мы с Марленом Хуциевым сделали большой двухсерийный фильм «И все-таки я верю» в память о Ромме. Ромм его задумал, собрал много хроник, снял какие-то интервью на Западе, наговорил на диктофон какие-то прикидки по поводу будущего фильма... и ушел из жизни. Этот фильм — размышления о судьбе мира, о назревавшем Апокалипсисе. Ну как из этого комедию сделать?

— «Агония» тоже особой жизнерадостностью не отличается.

— Там много смешных моментов. Я пытался начать «Агонию» восемь лет. Но пошло в производство только когда пришел новый руководитель Госкино Ермаш. Он меня пригласил и говорит: «У меня полтора года есть, как у каждого нового министра, трогать не будут. Если рискнуть, то по-крупному. Давай «Агонию» следам». Но потом ее закрыли руками Госкино на десять лет, хотя на самом деле этим занималось Политбюро. И мне уже ничего не давали снимать. Только когда случилась трагедия и погибла Лариса, попросили заняться ее фильмом «Прощание с Матерой»...

— Если можно, расскажите о Ларисе...

— Она была не просто красивой и талантливой женщиной, там еще что-то было, что-то инфернальное, это все люди чувствовали. Она знала, что ее не будет, знала даже, когда именно ее не станет. И тебе рассказывал историю этого портрета (на стене портрет Ларисы Шепитко в старинном платье. — А.К.)? Как-то мы поехали в Чехословакию и там осматривали бывший дворец князя Меттерниха. Надо сказать, что Лариса исповедовала теорию переселения душ. Ходил по дворцу, и вдруг она сказала: «Я здесь уже была». Доходим до последней комнаты, Лариса на пороге говорит: «Здесь была бильярдная». Входим — никакой бильярдной, стоит стол, накрытый скатертью. Служитель говорит: «Вот здесь господи обелили и играли в бильярд». Отворачивает скатерть, под ней бильярдный стол. Мы в шоке. Поднимаю глаза — на стене портрет Ларисы.

— Похожий?

— Нет, она. Когда Ларисы не

стало, я попросил сделать подобный.

— Тяжело было двум режиссерам жить вместе?

— Непросто. Но все гасила любовь — настоящая, большая любовь, которая живет во мне и по сей день.

— Почему вы так больше и не женились?

— Конечно.
— Трудно было делать фильм — после Ларисы?

— Я был в чудовищном состоянии... У меня мозги треснули. Мне сообщили о ее гибели в этой квартире. Мы ее только выбрали и начали ремонт. Лариса здесь никогда не жила. Она как раз ехала в экспедицию на Селитер. В тот день, 2 июля 1979 года, за двадцать минут до того, как она погибла, я увидел самый страшный сон в моей жизни... Там никакого сюжета не было. Ко мне явилось существо женского рода, то ли девочка, то ли девушка, то ли молодая женщина какой-то немислимой, утонченной, странной красоты. До сих пор во всех деталях помню, как она выглядела. У нее были красивые губы. Она стала приближаться, и я понял, что руки в прозрачных мокрых хирургических перчатках, а на губах не помада, а кровь. Но самое страшное — глаза. Две пропасти, со зрачками без радужки. Это было немислимо страшно. Я был потрясен и подумал: «О Боже, снять бы хоть один такой крупный план». Она исчезла, и я проснулся. Спать уже не мог, поехал на эту квартиру помогать рабочим. Кто-то стучит в дверь, открываю, на лестнице — Вадим Абдрашитов, Эмиль Лотуну, два редактора с «Мосфильма»... Меня сразу кольнуло в сердце. Они начали говорить: что-то случилось в экспедиции, вроде Лариса пострадала, поезжайте домой, мы будем вам звонить. Я говорю: «Нет, поезду на «Мосфильм». И по тому, как на меня смотрели люди, я все понял, только верить не хотел. Я потом разговаривал с Левой Дуровым, который был в этой экспедиции. Он рассказывал, что она была странная, странно себя вела. Ходила все время вместе, держась за руки, с теми оператором и художником, которые погибли вместе с ней. Она приезжала перед этим в Москву, я сам видел, что она была какая-то не такая, размазанная, обеспокоенная, сверхласковая... Обычно к съемкам человек собирается как пружина... А через неделю я уже снимал. Это натуральный фильм, лето уходило, нельзя было тянуть... Ну как я мог себя чувствовать?! Я стоял за ее камерой... Я не выбирал этих актеров, натуре, не писал сценарий... Они потом пожалели, что отняли фильм мне.

— Почему?

— Как почему? Опасный я был режиссер.

— Опасным быть трудно... Как держалась?

— Ну как... Не один же я страдал, всем нам в брезневские времена опустилась какая-то винтовая планка на голову. Стойкость должна быть, вера в то, что еще не сделал свою главную картину. И вообще не увлекаться собой. Я склонен очень критически к себе относиться.

— Есть за что?

— Конечно.

— Например?

С Алексеем Адамовичем на съемках фильма «Иди и смотри»

— Да возьмем ту же «Агонию». Я не был к ней готов, хотя восемь лет маниакально ее добивался, собрал прекрасную группу. С такой командой можно было сделать настоящий фильм. А я иногда отключался в какой-то момент. Сцена, когда Распутин избил и чуть не кастрировал церковника, это и в жизни было. Он надевает хламиду, в которой явился когда-то в Петербург, валется в осенней луже, доводит себя до полного самоубийства и появляется в царских покоях. С таким актером, как Леша Петренко, я должен был сделать длинный крупный план, чтобы зрители почувствовали магию этого человека, который не возможно было сопротивляться... И только потом камера должна была развернуться и показать окружение Распутина. Тогда бы зрители через свое потрясение поняли бы потрясение тех. А я отключился куполами и птичками...

— И часто вы себя так трезите?

— Бывает.

— А почему не погрязнуть за то, что ничего не снимаете?

— Я ждал этого стандартного вопроса...

— Он не стандартный, он — естественный.

— Его все задают.

— Потому что всем интересно.

— У нас есть один приятель, Джузеппе, родом с Мальты, художник. Однажды он сказал: «Элем, если бы я был министром, вызвал бы тебя и сказал: «Иди слезайте новый фильм, или тюрьма»».

— Правильно сказал. Так почему не хотите работать?

— Может быть, это заблуждение, но искреннее. После «Иди и смотри» я понял, что просто очередное кино мне снимать неинтересно. Комедию делал, сатириче-

скую притчу делал, документальное кино, исторический фильм, экологическую драму, фильм «Лариса», мое объяснение ей в любви с экрана. Чтобы двигаться дальше, нужно новое сознание. Я хочу снимать сверхзвуковое кино.

— Это как?

— Я же авиационный инженер, МАИ окончил... Когда самолет переходит сверхзвуковой барьер, у него должна измениться конфигурация крыльев, другая аэродинамика должна появиться. И я хочу полетать на другом «самолете». Все началось с «Красной палатки» Калатозова. Продюсером с итальянской стороны был Франко Кристалли. Он мне сказал: «Феллини увлекся «Мастером и Маргаритой», хочет его делать, но будет снимать только древние главы. Нужно найти советского режиссера на современные. Я видел ваши фильмы, чувствую — вы смогли бы». У меня волосы дыбом. Феллини — мой бог, в монтажной у меня все эти годы его фотопортрет висел. Вызывают в Госкино: «Как к этому относиться?» — «Страшно работать с Феллини, у нас я готов». Когда Кристалли уехал, все рухнуло. Прошло много лет, я снял «Иди и смотри». И решил делать сверхзвуковое кино по мотивам замечательного романа «Мастер и Маргарита». Один английский продюсер, который со Спилбергом работал, прочитал наш сценарий и сказал: «В мире еще нет таких технологий, чтобы снять этот фильм», и неизвестно, когда появятся. После долгих рыпаний все кончилось ничем, денег мы не достали. Я тогда брату сказал: «Гера, мы побывали на высокой горе, в разреженном воздухе, и теперь трудно спускаться на плоскую землю... Я сам себя отравил, застрял в тутки.

— Что же остается?

— Стихи писать.

— Пишете?

— А как же. Книжку написал.

— Издали?

— Нет. Я с ней сплю, пока не решил печатать.

— И это все?

— Ну, занимаюсь всякими глупостями. Много всяких поедок, встреч, проекты телевизионные... В общем, работа над собой идет.

— Кончались ли в оперу подался. Не хотите попробовать?

— Меня зывали много раз. В Мюнхен, к примеру, ставить «Бориса Годунова». Я отказался, тогда в Союзе кинематографистов работа — круглосуточно, очень был занят.

— Отказались от такого проекта ради Союза?

— Я искренно работал, посидел там, такое перенапряжение было. Сейчас там мертвый дом, а в мое время творилось что-то немислимое.

— По-моему, вашу работу не оценили...

— Меня это не волнует. Я-то знал, что делал, у меня была гениальная команда. И с кем я ни встречался сейчас, все говорят, что это были самые прекрасные годы их жизни.

— Так почему же вы ушли?

— Я свою миссию выполнил. Карфаген был разрушен, цензоров убрал, фильмы с полки вытащили.

— Вы разрушили, а кто построит?

— А это уже от каждого зависит. Свобода обречена — делай что хочешь. Другой вопрос, что раньше нас душили идеологи, сейчас — деньги.

— Вы смотрите наше новое кино?

— Да нет. Доброта нравится, терпимость, верность, честность... Все, чем обладал мой друг Алексей Адамович. Правда, у него было еще одно особенное свойство. Я называю это объемным мышлением. Когда-то я прочел у Флоренского в эссе об искусстве, что если художник не обладает объемным мышлением, ошибается в любой детали.

— Естественный вопрос — а как у вас с объемным мышлением?

— Наверное.

— Хобби имеется?

— Кино.

— Есть люди, которым вы всем обязаны?

— Мама и папа.

— Ваш лучший враг?

— Таких не вычислял.

— Что вы боитесь?

— Многое. Больше всего войны, боюсь за судьбу своего сына. Он-то, злодей, ничего не боится.

— Злодеям бояться не обязательно.

— Это я его любя так называю...

— Вы довольны жизнью или разочарованы?

— Вчера мы с Антоном купили шикарный уют, поэтому о разочаровании речи быть не может.

— Что у вас нет?

— Машины. Много лет водил, а когда появились служебные, продал. Как всегда, бездарно.

— Так вы бедняк?

— Бытовой.

Пресс прессы

Если вспомнить ситуацию 15–20-летней давности, легко обнаружить, что к дебютанту предъявлялись максимально жесткие требования. В результате в кинематограф входили люди, реально владеющие профессией. Зачастую оказывалось, что именно первый фильм делал режиссера имя и судьбу. Элем Климов защищал диплом блестящей комедией «Добро пожаловать, или Посторонний вход воспрещен». Сегодня ситуация выглядит иначе...

«Санкт-Петербургские ведомости», № 38 (2198), 11 марта 2000 г.

Антон Климов: «В подростковом возрасте мне нравилось абсолютно все! Но сейчас, когда показывают по ТВ «Агонию», говорю ему: «Ничего хуже ты не снял!» Мне достает наглости сказать: «Вот в музыке все ремастрируют старые альбомы, да и Лукас переделал «Звездные войны», почему бы тебе не подправить нудный эпизод с пловчихами в «Спорт! Спорт! Спорт!»? Было бы уместно порезать их раза в три...»

«Огонек», № 14 (4641), апрель 2000 г.

С Ларисой...

— Поначало было «Убейте Титлера». В 1977 году я был на пороге съемок, потом меня прикрыли. И когда второй раз запустили, Ермаш сказал: «Со словом «Титлер» не пройдем». Звоню брату: «Полстай Евангелие, по имени подходишь название...» Он нашел референс из Апокалипсиса — иди и смотри. Но самый главный эпизод, из-за которого появилось название, мы снять не успели... Грандиозный эпизод — к нему весь фильм восходил. Мы посовещались с Алексеем, он все время съемок был рядом, и он сказал: «Дай Бог, чтобы люди держали то, что есть». Между первым и вторым запуском прошло семь лет, но я благодарен судьбе за то, что фильм не запустился сразу. Древний китайский мудрец сказал: в горе есть и счастье. От страдания человек меняется, и, как правило, в лучшую сторону. Когда погибла Лариса, я стал другим человеком...

— В семьях киношников дети обычно идут по стопам родителей. Однако ваш сын Антон...

— Парень, когда слышал слово «киношник», брался за палку и бежал за тем, кто его произнес. Это все равно что про писателей сказать «писакки». Антон — журналист, очень известен в музы-

кальных кругах, пиарщик, пресс-секретарь.

— Никогда не хотелось направить деточку на путь истинный, кинематографический?

— Деточка, между прочим, двухметрового роста. Иногда человек не сразу приходит к своему истинному предназначению. Надо довериться фатуму и добродурию ангела. Надеюсь, у Антона он есть. У меня всю жизнь был, над кроваткой даже есть старинная статуэтка — фигурка ангела. А заставлять его кем-то быть... Когда Лариса ждала его, я спросил: «Кем бы ты хотела, чтобы он стал?» Она ответила: «Мне все равно, лишь бы хорошим человеком». Вроде получилось.

— Не скушаете по камере?

— Бывает.

— И что тогда?

— И Тарковский, и Лариса говорили, что кино для них — все в жизни и если уйти из кино, можно умирать. Я так не считал.

— Тогда что же для вас «все» в жизни?

— В свое время Нагибина спросили, для чего человек живет, и он сказал: «Для того, чтобы жить». Сама жизнь — величайшее чудо природы и подарок Господа...

— Анна КОВАЛЕВА

С друзьями

Идентификация:
1) Ирина Ковалева, 2) Владимир Войнович, 3) Элем Климов